

Не прошло и много времени, как вошла Фан Цзяхуэй. Посмотрев на стоявшую у двери и поджидавшую её Цинь Бэйбэй, она слегка улыбнулась:

— К нам перевелась новая ученица, давайте все дружно примем её. Ну же, Цинь, представься.

Цинь Бэйбэй непринужденно поднялась на подиум. На её лице по-прежнему играла сладко-сахарная улыбка:

— Всем привет, меня зовут Цинь Бэйбэй, я омега. Мне мало что нравится, больше всего я люблю сестрицу Е. Надеюсь, мы все станем хорошими одноклассниками!

Стоило ей произнести фразу про то, что она больше всего любит сестрицу Е, как в классе воцарилось молчание. Все как по команде повернули головы и уставились на Е Цзинь, да и Цзян Яншуй невольно оказалась в центре всеобщего внимания.

Е Цзинь лениво приподняла веки, бросила взгляд на новенькую, тихо фыркнула и снова отвернулась к окну, продемонстрировав полное отсутствие интереса.

Впрочем, Цинь Бэйбэй ничуть смутилась. Её глаза всё так же сияли, и она обратилась к Фан Цзяхуэй:

— Учитель, можно я сяду с Е Цзинь? Мы уже знакомы, и если я буду сидеть с ней, то быстрее вольюсь в новый коллектив.

Эм...

Фан Цзяхуэй перевела взгляд с Е Цзинь на Цзян Яншуй и на мгновение потеряла дар речи. Что это за цирк они тут устраивают?

И ещё — сидеть с Е Цзинь, чтобы быстрее влиться в коллектив? Она что, так сильно боится стать частью класса? Если сесть с Е Цзинь, в эту тусовку до конца жизни не вольёшься!

— Цинь, садись пока на вон то свободное место, а при следующей пересадке мы всё решим, — Фан Цзяхуэй не стала идти у неё на поводу. Ещё чего! На прошлом уроке она только-только рассадил их вместе, а теперь их снова разлучать? Самой рушить то, что только что соединила?

— Учитель...

Цинь Бэйбэй попыталась возразить, но Фан Цзяхуэй сослалась на начавшийся урок и велела ей садиться.

Ох...

Увидев, что Фан Цзяхуэй отказала новенькой, Е Цзинь и сама не поняла, почему вдруг с облегчением выдохнула. Наверное, дело в том, что Цинь Бэйбэй была донельзя раздражающей? Какая омега станет вешаться на шею человеку при первой же встрече? Никакой гордости, никакого самоуважения!

Теперь, немного успокоившись, Е Цзинь вспомнила своё недавнее поведение и была готова сквозь землю провалиться от желания вернуться назад и придушить саму себя за то, что разевала рот! Как солидная девушка могла опуститься до публичной грызни? Хотя ссорой это не назовёшь — так, сплошная сатира. Но для крутого человека лично участвовать в словесных перепалках — это жуткий удар по репутации!

И правда, импульсивность — это дьявол, она лишает человека рассудка!

Е Цзинь испытывала глупое раздражение: с какой стати она вообще решила препираться с Ли Яном? Бесит он её — и пусть себе бесит. В конце концов, Ли Ян пытается подлизаться к Цзян Яншуй, с которой у самой Е Цзинь нет никаких реальных отношений. Какого чёрта она вообще лезла не в своё дело?

Сидевшая рядом Цзян Яншуй внимательно следила за тем, как на лице Е Цзинь сменяются все мыслимые выражения. Подумав секунду и опустив взгляд, она всё же вытащила тетрадь, что-то чиркнула в ней и подвинула Е Цзинь.

Е Цзинь, всё еще погруженная в мрачные мысли, неожиданно увидела перед собой тетрадь. Переведя взгляд с бумаги на невозмутимую Цзян Яншуй, она на мгновение онемела.

Эта девчонка только что на неё наезжала, а теперь что, решила извиниться и пойти на мировую? Подумав об этом, Е Цзинь почувствовала, как настроение резко поползло вверх. Впрочем, про себя она решила: если извинения окажутся недостаточно искренними, она так легко её не простит!

Кто она вообще такая? С молодых ногтей никто ещё не смел портить ей нервы, с какой стати Цзян Яншуй возомнила о себе?

Предвкушая извинения, Е Цзинь сладко заулыбалась, открыла тетрадь и вперила взгляд в строчки. Но стоило ей разобрать короткую фразу, как довольное выражение мгновенно испарилось, а лицо потемнело.

Ты только что вела себя ужасно.

Всего девять символов, но они вновь раздули уже почти потухший костёр ярости Е Цзинь. Пламя взметнулось до небес.

Схватив ручку, Е Цзинь с яростным шуршанием принялась строчить ответ.

Я ужасно? Разве я была не права? Кто не знает, на что рассчитывает этот Ли Ян? Разве в моих словах была хоть доля неправды?!

И швырнула тетрадь обратно.

Цзян Яншуй слегка поморщилась, глядя на прилетевшую обратно тетрадь. Открыв её, она увидела размашистый почерк Е Цзинь — буквы словно продавливали бумагу насквозь, наглядно демонстрируя, насколько сильно кипел гриф внутри написавшего.

Но, глядя на этот почерк, Цзян Яншуй с удивлением отметила, что писала Е Цзинь очень красиво: стремительные, словно взлетающие драконы линии дышали свободой и дерзостью. Совсем как её характер — свободный и ничем не сдерживаемый.

Чего она точно не ожидала, так это увидеть нечто напоминающее куриные лапы.

Глава 11: Романтика

Цзян Яншуй сама невольно усмехнулась своим недавним ожиданиям, взяла ручку и старательно вывела:

— Что бы ни делали другие, нельзя при всех называть человека третьим лишним. Это

оскорбление человеческого достоинства.

К тому же, строго говоря, они с Ли Яном вовсе не пара, так что ни о каком вмешательстве со стороны третьего лица речи не идет. Разумеется, последнюю фразу она писать не стала — у неё было смутное предчувствие, что если она это добавит, Е Цзинь взбесится ещё сильнее.

Е Цзинь уставилась на вернувшуюся к ней тетрадь и вскинула брови, собираясь вспыхнуть, но в следующую секунду вся её злость разом испарилась.

И правда, с какой стати она назвала Ли Яна любовником-разлучником? Даже если у него действительно были подобные виды на Цзян Яншуй и он перешёл от мыслей к действиям — любой другой мог обвинить его во вмешательстве в чужие отношения, но только не она. Она-то знала правду: Ли Ян ухаживал за ней самым обычным образом!

Осознав это, Е Цзинь сникла. Ради чего она только что с такой пеной у рта доказывала свою правоту? И вдобавок выслушала упрёки от Цзян Яншуй.

Бросив косой взгляд на чужой почерк, столь непохожий на её собственный, Е Цзинь презрительно скривила губы и покосилась на не до конца отошедшего от шока Ли Яна.

Извиняться она точно не собиралась, особенно перед этим типом.

— Я признаю, что в данной ситуации была неправа, но разве он вёл себя правильно?

Ишь ты, посмел обвинить её в том, будто она какими-то грязными методами привязала к себе Цзян Яншуй! Какими ещё методами? Разве это она заставила Цзян Яншуй поставить метку? Да ещё и в несовершеннолетнем возрасте! Тут даже не отмоешься!

А сам-то — мажорчик недоделанный, в подмётки ей не годится. С каких это пор всякая шпана может топтаться у неё по голове?

Прочитав это послание, Цзян Яншуй тихо вздохнула. С того момента, как эти двое начали грызться, установить, кто прав, а кто виноват, стало уже абсолютно невозможно.

Тетрадь осталась лежать на стороне Цзян Яншуй, и Е Цзинь повернулась к ней. Профиль девушки казался невероятно мягким и утончённым: лучи заходящего солнца золотили её черты, а на нежной коже уловимо проступал лёгкий пушок. Такая чистая, словно сошедшая с небес богиня.

Е Цзинь знала, что её сравнение звучит банально, но её скудного словарного запаса не хватало на более изысканные слова. Она просто чувствовала, что в этот момент Цзян Яншуй была ослепительно, почти свято прекрасна.

— На что ты смотришь? — неожиданно тихо спросила Цзян Яншуй, повернув к ней голову.

Поскольку шёл урок, она говорила шёпотом, но Е Цзинь, неотрывно пялившаяся на неё, тут же поймала каждое слово.

Опомнившись, Е Цзинь остро глянула на неё и чеканно бросила:

— На небо! Там бегают маленькая собачка, я на неё смотрю!

Она что, больна? С какой стати она пялилась на Цзян Яншуй да ещё и сочла её красивой? Да будь та хоть трижды красавицей, до её собственной внешности ей далеко!

Цзян Яншуй: «...»

Последовав совету и посмотрев на небо за окном, она обнаружила там одинокое облако. То ли из-за внушения Е Цзинь, то ли по какой-то иной причине, но сейчас оно и впрямь отдаленно напоминало щенка.

«...»

— Е Цзинь, Цзян Яншуй, чем это вы там увлеклись? Поделитесь, мы тоже хотим полюбоваться!
— раздался с подиума ехидный голос Фан Цзяхуэй. Учительница уже давно заметила их переглядывания, но, решив, что девочки просто притираются друг к другу, делала вид, что ничего не видит. Однако они превзошли все ожидания: теперь обе в упор пялились в окно, напрочь забыв про предмет.

Прежде Цзян Яншуй никогда бы не позволила себе подобного! Даже зная всю программу наперед, она бы продолжила углубленно изучать материал самостоятельно, но сейчас из-за Е Цзинь она забросила учёбу!

— Эм... — Е Цзинь повернула голову, хлопнула ресницами и честно отрапортовала: — На собачку смотрим.

«...»

Весь класс дружно грохнул со смеху. Странная атмосфера, витавшая в помещении до этого, моментально рассеялась в веселом гуле. Кто-то из смельчаков тут же выкрикнул:

— Собачку? Мы же на пятом этаже, откуда тут собаки?

Услышав это, Е Цзинь посмотрела на выкрикнувшего с видом глубокого презрения:

— Эх ты, профан в романтике. Взгляни на вон то облако, разве не похоже на щенка?

Цзян Яншуй: «...»

И при чём здесь вообще романтика?

— Выходит, староста теперь приобщается к романтике вместе с тобой? — подмигнул кто-то из учеников.

Е Цзинь на секунду растерялась, но тут же вспомнила, что в глазах окружающих они состоят в романтических отношениях, и с самым серьёзным видом кивнула:

— Именно! Будем жить романтично и делать романтические вещи!

— Ха-ха-ха...

Класс залился еще более громким смехом.

На фоне общего веселья нашёлся лишь один человек, скрипевший зубами от злости. И звали этого человека Фан Цзяхуэй.

— Романтично жить они собрались! Ты экзамены на одни пятёрки сдала? — Фан Цзяхуэй швырнула учебник на стол и упртала руки в бока. На вид ей было тридцать, но в этот момент она выглядела точь-в-точь как пятидесятилетняя мегера.

— А я и так отличница! — Е Цзинь задрала подбородок с самым гордым видом. Разве твое последнее место — это тоже первое? — Она так прочно занималась первое место на троне, что никто не мог стащить ее оттуда!

— Ну, в любом случае, тут везде есть первое место. И если мое последнее место не годится, то первое место Цзян Яншуй вполне сойдет для романтики, верно? — Е Цзинь указала на Цзян Яншуй.

Цзян Яншуй приложила руку ко лбу. Нет, она не хотела никакой романтики, и она не хотела быть романтическим человеком, совершающим романтические поступки.

Фан Цзяхуэй: «.....»

— А ну вон отсюда! — Фан Цзяхуэй потеряла терпение.

— Слушаюсь! — Е Цзинь только этого и ждала, она отодвинула стул и собиралась выйти.

— Ты... — Обернувшись, она опустила взгляд на руку, державшую ее за полу одежды.

— Учитель, раз уж мы смотрели вместе с ней, то я пойду с ней, — тихо произнесла Цзян Яншуй, поднимаясь с места.

Фан Цзяхуэй: «.....»

Вытаращив глаза, она смотрела, как эти двое одна за другой выходят из класса. Неужели ее сокровище испортила Е Цзинь?! И прошло-то всего несколько дней!

— Урок! — рывкнула она, повернувшись, и банда сорванцов в классе тут же притихла, боясь даже пигнуть.

Е Цзинь, выйдя из класса, разумеется, не собиралась послушно стоять у двери в качестве наказания. По привычке спустившись вниз, она направилась к школьному магазину. Оглянувшись, она увидела, что Цзян Яншуй все еще следует за ней.

— ...Ты чего увязалась за мной? — Разве примерная ученица не должна была послушно стоять снаружи в наказание?

— Хочу пить, — с легкой улыбкой ответила Цзян Яншуй, покупая себе бутылку ледяной воды.

Е Цзинь с некоторым подозрением посмотрела на нее. Эта девушка вроде бы ничем не отличалась от обычной, но почему-то казалась ей совсем другой, отчего у нее даже мурашки по коже бежали.

Купив себе большую бадью ванильного мороженого, Е Цзинь решила делать вид, будто спутницы рядом нет. Выйдя из магазина на спортивную площадку, она уселась на трибунах и лениво наблюдала за тем, как другой класс внизу занимается физкультурой.

— Твоя травма еще не полностью зажила, лучше не есть ничего настолько холодного. — Цзян Яншуй посмотрела на ведро с мороженым у нее в руках, чувствуя, как у нее самой от одной мысли об этом мозги начинают замерзать. Если съесть эту бадью целиком, голова же просто окоченеет, верно?

— Прояви ты хоть каплю нежности и заботы, когда прикладывалась зубами, мне бы сейчас не пришлось об этом беспокоиться, — бросила на нее косой взгляд Е Цзинь. Нашла о чем

говорить! Та укусила ее так, будто собиралась вырвать железу на куски. При обычной метке укус и впрыскивание феромонов болят лишь какое-то время, но эта особа вела себя так, будто ела мясо, и укусила со страшной силой, совершенно не зная меры.

Цзян Яншуй: «.....»

Ладно, тут она была неправа. Глядя на ленивую девушку перед собой, Цзян Яншуй вдруг подумала, что знает её чуть лучше остальных. Хотя все считали её грозной заводилой Цзинъяна и верили, что она та еще хулиганка, Цзян Яншуй, проведшая с ней весь Период течи, так вовсе не думала.

Когда её раз за раз накатывали волны Периода течи, эта на вид дурная высшая альфа неотлучно дежурила у её кровати, ухаживая за ней, и при этом не позволяла себе ни единого вольного движения.

Было очевидно, что она относилась к омегам с глубочайшим уважением — мать воспитала её просто прекрасно.

Единственным моментом, который вызывал у Цзян Яншуй раздражение, было то, что во время её Периода течи эта девчонка, помимо ухода за ней, умудрялась еще и читать романы!

Это же прямое оскорбление её статуса высшей омеги!

Люди устроены странно: если кто-то тебе не нравится, ты, естественно, не хочешь, чтобы этот человек проявлял к тебе хоть какое-то внимание. Но когда он действительно перестает делать вообще что-либо, в душе появляется досадное чувство собственной непривлекательности.

Просто слов нет, до чего странная логика.

— Когда у тебя начинается Период восприимчивости? — спросила Цзян Яншуй, усаживаясь рядом и глядя вместе с ней на веселящихся внизу людей.

Э?

Е Цзинь повернула к ней голову. Неужели эта особа решила проявить о ней заботу?

— Мне нужно подготовиться к тем дням, — пояснила Цзян Яншуй.

— ... — Ладно, она и вправду слишком много нафантазировала. С чего бы Цзян Яншуй о ней беспокоиться?

— По моим расчетам, цикл начнется через пять дней.

Услышав, что срок так близок, Цзян Яншуй судорожно втянула воздух. Это значило, что все это время ей придется неотлучно находиться рядом с Е Цзинь, практически лишившись собственной свободы.

— Что у тебя за выражение лица? Будто я сплю и вижу, чтобы ты отиралась рядом со мной, — закатив глаза, недовольно бросила Е Цзинь.

У нее что, совсем нет гордости? Она вообще-то высшая альфа, а ее вот так открыто третируют?!

— Разве нет? Тогда я могу не оставаться.

— Не хочешь — не оставайся! Будто я тебя умоляю со мной сидеть!

— Сама же напросилась. Только потом не умоляй меня вернуться, — слабо улыбнулась Цзян Яншуй. Если бы все и правда могло так разрешиться, она бы только обрадовалась.

— ... —

— Чушь собачья! Кто станет тебя умолять! Скорее мир рухнет, чем я попрошу о помощи тебя!

Подумаешь, Период восприимчивости. Неужели она без нее не справится? Тоже мне нашли за кого ее держать! — Тогда тебе лучше хорошенько запомнить свои слова, — неторопливо произнесла Цзян Яншуй и вдобавок с наглядной заботой указала на ведро с мороженым: — Оно скоро растает.

— ... — Е Цзинь скрипнула зубами. Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь, а уж высшая альфа тем более не должна бросать слов на ветер!

Эта женщина явно не собиралась проводить с ней время, неужели она ждала, что Е Цзинь сама станет навязываться? У Е Цзинь не было столько гордости, чтобы терпеть подобное унижение!

— Хм! — Е Цзинь сердито фыркнула, прижала к груди ведро с мороженым, круто развернулась и зашагала прочь, удаляясь от Цзян Яншуй как можно дальше.

Солнце около десяти часов утра еще не палило по-настоящему безжалостно, но стоило оказаться под его лучами, как кожу тут же начинало покалывать от обжигающего жара, и Цзян Яншуй слегка поморщилась.

Шагах в пятидесяти от нее Е Цзинь устроилась прямо под палящим солнцем, прижимая к себе ведро с мороженым, и казалось, будто она вообще не чувствует никакой жары.

Однако сама Цзян Яншуй, хоть Е Цзинь и делала вид, что не желает с ней общаться, никак не могла избавиться от вопроса, который давно не давал ей покоя.

Подойдя к Е Цзинь, она сразу ощутила явное недовольство: из носа той вырвался короткий презрительный смешок. По замыслу это должно было выглядеть высокомерно, но на деле походило на царапанье лапкой маленького котенка, вызывая лишь невольную улыбку.

— У меня уже давно есть к тебе один вопрос.

— Какой еще вопрос? — Е Цзинь искоса бросила на нее взгляд. Чего это она выпрямилась во весь рост? Неужели не видит, что она сама еще сидит?

— Ты и впрямь высшая альфа? — искренне поинтересовалась Цзян Яншуй. Ее лицо выражало абсолютную, кристальную честность, и в мыслях не было шутить.

— ...

— Что ты за вопросы задаешь? Разве такое вообще возможно подделать? — Е Цзинь широко раскрыла глаза, никак не ожидая, что Цзян Яншуй подойдет к ней лишь ради того, чтобы задать подобный вопрос, к тому же оскорбительный до глубины души для любого альфы!

— Но есть одна вещь, которую я никак не могу взять в толк. Не объяснишь?

— Если ты действительно высшая альфа, почему тебя так легко смогла пометить омега?

Будучи омегой, Цзян Яншуй прекрасно понимала и чувствовала: интенсивность феромонов, исходивших от Е Цзинь, несомненно принадлежала высшей альфе. И в этом-то и кроглась загадка: как альфа, и в особенности высшая альфа, могла позволить омеге поставить метку с такой легкостью? Пусть даже та омега тоже принадлежала к высшему кругу.

— ...

Глядя на лишенную слов Е Цзинь, Цзян Яншуй вдруг поймала себя на смелой догадке. Сама она едва ли верила в столь нелепое и абсурдное предположение, но в данный момент ничего другого на ум просто не приходило.

— Так значит, ты позволила пометить себя добровольно?

— Я тебе нравлюсь?

Произнося последний вопрос, Цзян Яншуй слегка засомневалась. Разве такое возможно? Прежде их пути почти не пересекались, а те редкие встречи были сплошным пороховым погребом.

И пусть искра этого напряжения исходила лишь с одной стороны, было очевидно, что Е Цзинь терпеть ее не может.

— ...

Е Цзинь ковырнула ногтем краешек ведерка из-под мороженого, подняла голову и посмотрела на нее взглядом, полным немого укора:

— Ну ты и фантазерка! Не думала в будущем податься в сценаристки? Откуда у тебя такие масштабные замашки и настолько дикие сюжеты?

— Нет, это уже не дико, это просто абсурдно!

— Нравлюсь я тебе... Сама-то подумай, есть ли во мне хоть что-то, что совпадает с твоим вкусом? — презрительно бросила Е Цзинь, после чего демонстративно отвернулась и снова уткнулась в свое мороженое.

Цзян Яншуй: «...»

Ее взгляд задержался на ярко-рыжих волосах Е Цзинь, и она на мгновение умолкла: пожалуй, все происходящее в ее собственной внешности действительно вряд ли отвечало вкусам этой особы.

Цзян Яншуй опустила глаза и окинула взглядом собственный наряд, внезапно испытав странное облегчение. Хорошо еще, что в ней не было ничего из того, что нравилось Е Цзинь, иначе пришлось бы полностью менять имидж!

В конце концов, вкус у Е Цзинь был весьма далек от общепринятого, и ее фирменная копна рыжих волос служила тому лучшим доказательством.

— Тогда в чем же дело? Я тебе не нравлюсь, значит, и речи быть не может о том, чтобы ты позволила пометить себя по собственной воле, — в глазах Цзян Яншуй мелькнуло легкое недоумение, ведь поведение Е Цзинь и вправду ни капли не напоминало симпатию.

— Откуда мне знать? Знала бы — разве дала бы себя пометить? — Е Цзинь закатила глаза и запихнула в рот огромную ложку мороженого, отчего у нее тут же свело брови и заледенило в голове.

— ...

— Осторожнее, разве можно так есть мороженое! — Цзян Яншуй осталась крайне разочарована. Глядя на нее, она подумала, что ее прежняя забота и приготовленная для той теплая вода пропали даром.

— Не твое дело, — невнятно пробормотала Е Цзинь.

Цзян Яншуй подумала: эта особа была бы куда милее, если бы временами просто не умела разговаривать.

— Раз тебя так легко может пометить омега, что же ты будешь делать, когда начнешь нести службу и отправляться на задания?

<http://bllate.org/book/21716/2243879>